

Виктор Сергеевич Петров родился в 1946 году в городе Авдеевке (УССР). Окончил отделение журналистики Ростовского государственного университета. Работал журналистом. В настоящее время главный редактор журнала «Дон». Лауреат многих литературных наград, в том числе премий им. М.А. Шолохова, «Золотой Витязь», журнала «Юность» и др. Автор девятнадцати поэтических книг. Член Союза писателей России. Живет в Ростове-на-Дону.

Виктор Петров

РАЗГОВОР С НЕБОМ

(Заметки о поэзии Александра Орлова)

Образ дороги является едва ли не ключевым для русской поэзии, что объяснимо неоглядностью наших просторов, когда, по Юрию Кузнецову, и «край света — за первым углом». Она ведет от родимого порога к неведомым пределам, оборачивается торным, подчас крестным путем не только к самому себе, а и к Богу.

Я говорил в тиши с пустой дорогой,
Что есть во мне, и в ней, и в нас двоих.

Александр Орлов свободно чувствует себя во всех временах — прошлом, настоящем, будущем, что естественно для него, историка по образованию. И его поэтическая дорога соединяет эту триаду, образуя нечто целое, вроде магического кристалла, когда понимаешь желание автора высказать радость и боль, проникаешься искренностью строк.

Поэзию «чисел и факта» исповедует Александр Орлов, и это более чем удивительно, когда следует обращение к языческой Руси. Там корни народного самосознания, там те верования и обычаи, то бытование, житейский уклад, от которых, собственно, решили отказаться наши предки, приняв Крещение.

Взор пастуха зажегся и потух,
И мне раскрылась вереница связей.
Ушли по звездам стадо и пастух.
Как звали его — Велес или Власий?

Пленен лирический герой «небылицами» — они вот, тут как тут, стоит оказаться наедине с «пытливой глушью под присмотром волков и тетерок» или «ропотом костра». Тотчас включается воображение, что подчас оказывается достовернее реальности. И тогда:

Вперед только угол медвежий,
Скоро будет не видно ни зги.
Ты себя в эту ночь сбереги,
Может, утром и сжалится Леший.

Или стихотворение о «Жихаре», некоем чудище:

В нишах овина — пшеничная кладка,
В ней обособился кряжистый тип,
В нем скрыта тайна, былина, загадка,
Виден сквозь щель его тени изгиб.
Чудится мне: он — подобие рыси,
Так же проворен, когтист и мохнат.
Вдруг я поймал его рвущийся взгляд,
И он понес меня в грязные выси.

Разом вспоминаются фантазмагорические сюжеты Гоголя, иные описания разной нечисти. Тут уж решает каждый — верить, не верить, хотя и дело вовсе не в этом; главное — поэтическая сущность, а она в приведенном отрывке и равно в других «языческих» (назовем их так условно) стихах сборника присутствует.

Создается впечатление, что лирический герой уже и сам тяготеет сонмом обступающих его страхолюдин. Он брезгует общением с жалким Хозяином вод, похожим на «сальный оковалок», говоря ему: «Ты просто тьма, насельник небылиц, / Живой пузырь из тысячи дождинок». Схожие характеристики находятся для «кудлатых нежитей, духов мрачных полей», для «клыкастого упыря» и «хранителя чащоб лесовика»:

Он вел меня по тьме и бездорожью,
Прикидывался дубом, волком, пнем.
Я все гадал: когда же мы придем?
Мне он казался бесконечной ложью...

Расходятся дороги, и остается в стороне тьма, «языческий дух колдовской». И предстали:

На капище Сварожьем
Две веры, две Руси.

Оброненная далее строка «холода мне роднее тепла» оказывается принципиально важной для Александра Орлова, поскольку он чаще других времен года делает фоном для своих сочинений зиму. Сравнить не хочу, но дань студеной и снежной поре отдали многие поэты, хотя мне более всего дорог Владимир Соколов с его воспеванием московского снега. Так что здесь у автора-«зимогора» — достойные предшественники. Однако он нашел свое раскрытие общей зимней темы: морозный холод становится символом неустроенности мира, и спасение души и тела заключается в обращении к Господу Вседержителю.

Пронзает холод все насквозь,
Я сделать не могу и шага.
Господь, прошу меня не брось,
Я человек, а не дворняга.
Ты призови, и я дойду,
Я доползу, но ночью этой
Не дай замерзнуть и в аду
Меня, скитальца, исповедуй.

Следует череда испытаний, когда забыты «дом... приметы и поверья» и остается только ждать «от неба звездных крох», уповая в дорогах на Бога. И потому — «с небом не прерву я разговора», как утверждает «рожденный в горе человек», для кого есть та, что снится, целует его «слезы в конверте»; та, что «свободы дороже».

Идет куда как важное познание «в себе Христа». Прощальный снег, душа смиренна и желает знать «правду без прикрас»... Лирический герой постигает истинный смысл своего предназначения как связующей нити времен.

И времени остывшая река
Заманит в безымянную исстругу,
И ангелу, как истинному другу,
Уставший от сражений и погонь,
Я протяну из прошлого ладонь.

Земной путь длится, и по ходу движения могут рождаться извне слова, но услышатся ли они, когда манит мгла и разверзлась дождевая утроба? Пора увядания, пора прощальная заставляет застыть мир, чтобы дух согрела «свеча вселенной», а значит, слова будут услышаны, разгаданы и транслированы уже в собственной интерпретации... Этот процесс еще называется поэзией.

Природный календарь в стихах Александра Орлова существенно отличается от разного рода банальных «времен года». Подтверждением — хотя бы строфа.

И на прощальный сев озимой ржи
Туманы приведет летопроводец,
В поля заступит время безработиц,
Коротких дней, и холода души,
И звезд, сковавших до весны колодец.

За описанием, если вчитаться, — второй план. Человеческий, когда вместо конкретики, хотя она и есть в данном случае, явлено то, что задевает и тебя, и каждого. Оно выражено двумя словами, метафорой: «холод души». Еще бы отметил сказанное в первой строке — «прощальный сев». А разве «время безработиц» не вызывает определенные ассоциации с ныне переживаемой всеми нами напастью?

И все-таки лирическому герою никуда не деться от безумной «хладнолицей зимы», по мановению которой мир накрыт «дымкой снеговой». И опять, как уже кажется, возобладают темные силы согласно воззрениям славянских предков на природу, ан нет — все тайное рассеет «предзимья ключник — молодой снежец». Признаюсь, при слове «снежец» полез в словарь. Северо-западный ветер на Селигере, есть иные значения, но селигерское больше нравится, потому как сам бывал в тех местах, знаю остров чудотворца Нила Столобенского. Правда, ласковое слово «снежец» не привелось услышать. Но теперь вот и на Дону смогу так сказать, когда задует зимняя холодина с северо-запада...

Самое время уйти с автором «гулять по снегу в староречье». Там и «снежура» (скопление снега на воде), и звездный свет на предплечье, и все другое воспринимается как дар свыше. И с этим даром жить назло «врагам и пустословью». А все потому, что матушка Прасковья научила зажигать «вечный свет там, где темно».

Александр Орлов в большинстве случаев по-мужски сдержан в проявлении своих чувств, но тем интереснее читать, когда он открыт полностью. Например, любовное признание начинается словами нескрываемого накала:

Я бы снега зажег,
Чтобы пойти к тебе.
Знает один лишь Бог
Все о моей мольбе.

Достоверно передана горечь разлуки с любимой, что ждет не дождется нашего героя. Так и видишь ее фигурку на причале — буквально несколько строк, а вся картина въяе: «вымол... береговик... маяк... волком воют ветра... снежные катера вдавлены...». Растает лед — и жди первого парама. Невольно радуешься за эту пару, что будут «справлять вдвоем Пасху и Половод».

Весна уподобляется образу прачки «в белом». И она удивительно гордо идет «с постиранным бельем... в богомольный дом, / Где ждут ее в притворе монастырки». Замечателен и последний стих катрена:

И кажется, весь сумрак зимних рек
Ей перестиран в липовом корыте.
Ее придумал Бог и Человек,
Вы след ей вдохновенно посмотрите.

Авторское воображение не знает предела. Или это провидение?

Откроют в полночь райские врата,
И я увижу Господа Живого,
И ангелов, и под рукой Христа
Сидящего на облаке Рубцова.

Обращение к Богу все чаще встречается к концу сборника. Ощущается напряженная работа души и сердца. Внешнее, суетное не образует саму жизнь, но заметно мешает жить, как бы тебе желалось, — чисто и светло, в ладу с совестью. И уже ступив на самый край, осознав невозвратную утраченность совершенного, уповая лишь на покаяние, начинаешь осознавать главное. Так постигается истина.

И только мягкий свет внутри лампад
Напоминает, кто мне в мире дорог.

Внешний мир дает знать о себе, причем в самый неожиданный, как правило, момент. «Мне на мгновенье стало одиноко», — признается погруженный в свои мысли о скоротечности бытия лирический герой, и тут на него, на весь белый свет обрушивается стихия непогоды: «ветер-временщик» крушит городские парки, улицы, скверы, жестоко бьет ливень... Кому в таком случае все рассказать?

Воде, осевшей в недрах водостока?
Или, быть может, небу самому?
Мне вечер не оставил ни намека.
И руку друга я при встрече жму...

И пусть «...уносят счастье кликуны / В исчадие трагических промоин», есть иная благодать — всевышняя воля: «все мы будем скоро спасены...». Да только путь к спасению — известно какой, хотя и не всем очевидный; значит, есть те, кто «осудят рай и устремятся в ад», и посылаемые им свыше «всепрощенья знаки» не увидят. А между тем «...великий горячий наказ / Приносит на землю с рассветом ядро: / Все это создано Богом для нас».

Горячий наказ, рассветное ядро, ожившее солнце! И как итог — осознание:

Что на земле я в чине рядового
Был призван в православные войска.

Библейский сюжет изложен в стихотворении «Ловцы». Глубь воды сравнима с небом. Идет нерест. И ловцы, «Петр с отцом и Андрей», ждут своего часа... Но вот «...подступает время лова». Рыбы уже размножились.

Андрей и Петр закинут ловко снасти.
Страстные дни, удачу их не глазьте! —
Ведь каждый небом призванный ловец
Живет не по своей, а высшей власти.

Это, вне всякого сомнения, и есть основной лейтмотив нового сборника стихов Александра Орлова.